

Это не значит, что страна замкнется в своих национальных рамках. По самым свойствам своего хозяйства (ввоз сырья, вывоз фабрикатов), Бельгия не может думать об автаркии, да и де-Ман и партия не отказываются от своих международных идеалов. Но, при надрытвѣ международного хозяйства, при невозможности сговориться в рамках хотя бы европейских, остается лишь приложить усилія к преодолѣнію кризиса и созданію управляемаго хозяйства — в предѣлах национальных.

Невозможно предугадать, завершится ли успѣхом борьба за План Труда, получила ли он осуществленіе. Будем надѣяться, что да, — и ради маленькой Бельгии, и ради великой Европы.

Сергѣя Жабя.

Книги:

Н. А. СЕТНИЦКІЯ. О конечном идеалѣ. Харбин, 1932 (II+352).

На Дальнем Востока в Харбинѣ русская культурная жизнь не замирает, несмотря на тяжелыя политическія условія послѣдняго времени. В 1932 г. в этом городѣ напечатана большія книга преподавателя юридическаго факультета Н. А. Сетницкаго «О конечном идеалѣ». Первая часть ея содержит в себѣ формальныя основы ученія о конечном идеалѣ челоѣчества в связи с критикою книги проф. П. Новгородцева (б. профессора философіи права Московскаго университета) «Об общественном идеалѣ» и статьи проф. Н. Устрялова «Проблема прогресса». Новгородцев путем научнаго анализа устанавливает, что «антиномія личнаго и общественнаго начала» не устранима в предѣлах земнаго бытія: «Гармонія личности с обществом возможна лишь в том умопостигаемом царствѣ свободы, гдѣ безусловная

и всепроникающая солидарность сочетается с безконечностью индивидуальных различій. В условіях исторической жизни такой гармоніи нѣтъ и быть не может» (Об общественном идеалѣ, 3-е изд., стр. 141). Отсюда становится понятным констатируемый Новгородцевым факт «крушенія вѣры в совершенное правовое государство», а также вѣры в социализм и анархизм, вообще «крушеніе идеи земнаго рая». Относительной правды достижений современнаго правового государства, а также исканій социализма и анархизма Новгородцев не отвергает, но он устанавливает несоизмѣрность их с идеалом абсолютнаго добра. Поэтому, чтобы не попасть в безвыходный тупик, необходимо строить идеал земнаго общества, имѣя в виду «свободу безкончнаго развитія личности, а не гармонію законченнаго совершенства» (стр. 25).

Устрялов переносит вопрос о

прогрессъ и конечном идеалѣ в области религиозныхъ ученій в связи с проблемою зла и добра. Признавая трагизмъ эмпирической дѣйствительности, в которой жизнь отдѣльнаго человѣка и развитіе общества пронизаны неустраняемыми антиноміями, онъ утверждаетъ, что абсолютное совершенство есть «божественная задача», «выше человѣческихъ силъ»: она осуществляется путемъ преображенія природы человѣка и всего міра, путемъ рѣзкаго перехода в иное, высшее царство бытія.

В противоположность Новгородцеву и Устрялову, Сетницкій задается цѣлью защищать ученіе о воплощенности идеальнаго совершенства на землѣ. Онъ считаетъ эту мысль обязательною для христіанина уже в виду текста Священнаго Писанія: «И Слово стало плотью и обитало с нами... (Ев. отъ Іоанна, I, 14). Положеніе «Богъ воочеловѣчился, чтобы мы обожилмсь», глубоко усвоенное восточными отцами Церкви и черезъ нихъ православіемъ, онъ понимаетъ, какъ указаніе на то, что человѣчество способно воплотить в себѣ всю полноту совершенства при условіи, что оно активно, творчески осуществляетъ процессъ обоженія и притомъ не какъ отдѣльныя лица, а какъ все человѣческое многоединство (21).

Крушеніе всѣхъ идеаловъ совершенства, которые были до сихъ поръ распространены и вліятельны в историческомъ процессѣ, Сетницкій объясняетъ тѣмъ, что они были дробными и, слѣдовательно, дефектными. Всѣ они ми-

ряются с фактомъ смерти, проектируютъ рай только для нѣкоторой группы избранныхъ: в христіанскій рай входятъ лишь праведники, а в коммунистическій — лишь тѣ люди, которые дожили до переворота, причемъ и они рано или поздно обречены на смерть. Цѣлостный идеалъ, по замыслу Сетницкаго, содержитъ в себѣ планъ безсмертнаго, счастливаго существованія всѣхъ людей безъ исключенія и опредѣляетъ способы воплощенія его (стр. 66). Символически выраженъ цѣлостный идеалъ, по мнѣнію Сетницкаго, в Апокалипсисѣ; вторая часть его книги содержитъ в себѣ попытку истолковать символы апостола Іоанна. В современной литературѣ очеркъ цѣлостнаго идеала онъ находитъ в ученіи русскаго философа Н. Ф. Федорова (умеръ в 1903 г.), собраніе статей котораго было издано с успѣхомъ подъ заглавіемъ «Философія общаго дѣла».

Свое ученіе Федоровъ связывалъ с христіанскою религіею, именно с православіемъ, какъ тѣмъ вѣроисповѣданіемъ, которое особенно цѣнитъ идею воскресенія (праздникъ Пасхи) и вѣчной жизни. Долгъ человѣка — вступить на путь супраморализма, осуществить синтезъ теоретическаго и практическаго разума и стать разумомъ вселенной. Путемъ знанія и дѣйствія человѣкъ долженъ превратить всѣ силы природы, теперь слѣпыя и часто враждебныя человѣку, в орудія и органы человѣчества. Достигнувъ управленія природою, человѣчество можетъ преодолѣть смерть; мало того, оно можетъ и должно по-

ставить задачу трудового воскрешения всех своих предков. Став многоединным, подобно Троици Божью, Отца, Сына и Духа Святого, человечество достигнет такой «нераздельности и неслиянности», при которой невозможны никакие распады, никакая изоляция, т.-е. смерть. К числу важнейших средств для достижения этой цели принадлежит знание и соответствующая техника. Человек должен овладеть атмосферическими явлениями, каптировать атмосферическое электричество; далее, подчинив себя электро-магнитную энергию Земли, он должен научиться управлять движением ее, т.-е. превратить Землю в Землеход. Тогда станет возможным расселение человечества на других планетах и вообще небесных телах.

Общественный порядок, существовавший до сих пор, Федоров называет зооморфическим: он основан на разделении сознающих и руководящих органов от исполняющих органов. Отсюда неизбежны сословия или классовые разъединения. Идеальный общественный строй, по Федорову, должен быть построен на единстве сознания и действия. При нем нет разделений на сословия и классы, нет военного и полицейского принуждения, нет также «демиургической», т.-е. ремесленной деятельности, оформляющей извне данные материалы и отношения. В идеальном строе, который Федоров называет «сихократией», каждое лицо исполняет свой долг, сознавая необ-

ходимость стоящих перед ним задач.

Сетницкий утверждает, что сближение знания и действия осуществляется в Советской России, где научная деятельность понимается, как «своеобразная командировка» способных лиц для выполнения ими «повинности познания» слепых и убийственных сил природы и, кроме того, требование, чтобы все деятели, исполняющие ту или иную социальную функцию (служащие и чиновники), в то же время осуществляли работу изучения и познания в той сфере деятельности, которая им поручается». Точно так же во многих технических проектах советского правительства он усматривает «несомненное воздействие и осуществление Федоровских идей, хотя по большей части его имя, как окрашенное весьма сильно в религиозные цвета, не упоминается и даже смысл и связь этих дел с замыслами Федорова не сознается. Так, наиболее ярким примером в этой области является рецензия в советской действительности того направления, которое придано Федоровым борьбе с засухой». «То же самое следует сказать о последних проектах использования водных путей СССР» (проблема «Большой Волги», орошения Туркестана и т. д., стр. 82).

Можно было бы здесь указать и еще более смелые замыслы, обсуждавшиеся в советской прессе, например, проект отопления Сибири путем изменения пути Гольфстрема и отклонения полярных льдов к Англии с целью за-

морозить ее, как страну, являющуюся воплощением ненавистности к капитализму. В действительности, как известно, даже и осуществимые технические проекты не ведут в Советской России к возрастанию материального благополучия. Достоевский давно уже предсказал, что попытка строить «Вавилонскую башню» только на основах науки «без Бога и религии», без нравственного обоснования общественных отношений, как это делается советскими коммунистами, неизбежно приведет к совершенному обнищанию и омертвлению.

Призыв Сетницкого осуществлять идеальное совершенство на земле, а не в потустороннем Царствѣ Божіем глубоко отличается от советскаго строительства тѣм, что опирается на христіанскую мораль, не допускающую третированія цѣлыхъ групп населенія, как навоза для удобренія полей, жатвою с которыхъ будутъ питаться будущія поколѣнія. Онъ хочетъ построить царство счастья для всѣхъ безъ исключенія. Однако для него, как и для Н. Федорова, характерно чрезмѣрное преувеличеніе значенія техники, регулирующей природу. Последній шагъ для достиженія абсолютнаго совершенства осуществляется не техникою, а глубокимъ нравственнымъ перерожденіемъ человѣческаго я, свободнымъ преодоленіемъ в себѣ всякой эгоистической исключительности, т. е. поднятіемъ на ту ступень, на которой человекъ подлинно любитъ Бога больше себя, и ближняго, какъ самаго себя. Слѣдствіемъ этого внутренняго

переворота является преобращеніе тѣла, столь глубокое, что техника, управляющая непосредственною матеріею, становится излишнею. Однако в земныхъ условіяхъ, гдѣ этотъ идеалъ не осуществленъ, человекъ нравственно обязанъ использовать и нашу технику для максимальной гармонизаціи жизни, достижимой в земныхъ условіяхъ. Какъ разъ в наше время человѣчество начинаетъ ставить все болѣе смѣлыя технические и социальныя задачи. Для работы надъ ними нуженъ энтузіазмъ, доводящій человека до самозабвенія, побуждающій считать рѣшеніе ихъ осуществленіемъ Царства Божія на землѣ, а не просто однимъ изъ этаповъ на пути къ совершенству. Быть можетъ, это одна изъ уловокъ «хитрости разума» (терминъ Гегеля), руководящаго историческимъ процессомъ, что в наше время появляются такія ученія, какъ философія Федорова и Сетницкаго, чрезчуръ преувеличивающіе значеніе техники.

Н. Лосскій.

Friedrich v. GOTTL-OTTLI-LIENFELD. Der Mythos der Planwirtschaft. Verlag Gustav Fischer. Jena 1932. S. 114.

В настоящее время каждый экономистъ такъ или иначе подходитъ къ проблемѣ государственнаго вмешательства в хозяйственную жизнь. Не только в научныхъ книгахъ, но и в газетахъ постоянно приходится встрѣчать разныя соображенія о пользѣ или вредѣ «плановаго хозяйства»,